

ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ, ВЕРИФИКАЦИЯ, ИСТИНА¹

Карабущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Фальсификация занимает в жизни отдельного человека и общества слишком важное место, чтобы быть проигнорировано современной наукой. Эта значимость возрастает по мере качественного роста основ информационного общества, когда проблема верификации информации становится особо актуальной темой. Наиболее эффективным способом проверки и критики недостоверной информации является герменевтический метод. Герменевтика позволяет заглянуть не только вглубь текста, но и вовнутрь личности его автора. Только через анализ личности автора можно прийти к адекватному пониманию созданного им текста. Информационное общество будет в большей мере нуждаться в верификации информации, а не в свободном доступе к ней.

Ключевые слова: истина, история, фальсификация, верификация, глобализация, элита, политическая идеология, альтернативная версия истории, историческая достоверность, историческая герменевтика, информационное общество

HISTORICAL HERMENEUTICS: FALSIFICATION, VERIFICATION, TRUTH

Karabushchenko Paul L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University.
20a Tatischev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Falsification takes too important place in the life of the individual and society to be ignored by modern science. This value increases as the basis of qualitative growth of the information society, where the problem of verification of information is particularly relevant topic. The most effective way of checking and criticism of false information is a hermeneutical method. Hermeneutics allows us to look deeper into the text and also inward personality of its author. Only through the analysis of the author's personality is possible to come to an adequate understanding of the, created by him. The information society will increasingly need the verification of the information, more than its availability.

Keywords: truth, history, falsification, verification, globalization, elite, political ideology, an alternative version of the story, historical accuracy, historical hermeneutics, information society

С развитием информационного общества, человечество все больше и всё в более острой форме будет сталкиваться с проблемой «достоверной/чистой информации». Уже сегодня нам нужна не только чистая вода и экологически здоровая пища, но и очищенное от лжи и заблуждения знание. В противном случае экологическая чистота не спасет нас от духовной деградации, если сознание будет загрязнено и отравлено ложными тезисами и иллюзорными идеями. Получив свободный доступ к информации, мы сегодня столкнулись с другой глобальной проблемой - проблемой её достоверности, поскольку распространитель информации оказался свободным от верифи-

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».

кации и ответственности за достоверность своего товара, тем самым подвергая всех опасности - заблуждения. В будущем все войны станут информационными и победу будет одерживать тот, чья лож окажется самой достоверной. В силу этого проблема фальсификации становится одной из острых тем современности, особенно тогда, когда она оказывается связанной с высшими эшелонами власти, и существует в ранге государственной тайны и национальной безопасности. Целью настоящего исследования является показать насколько современные элиты зависят от искусства фальсификации, и насколько сами они являются элитами, а не их имитацией? В рамках одной работы это сделать весьма затруднительно, поэтому необходим комплексный подход и систематическое исследование всех возможных случаев фальсификации, особенно исходящие из различных элитных сообществ.

Фальсификация: гносеологический этюд о превращении истины в ложь и презентации лжи как истины. Вся история человеческого рода есть история борьбы человека с неправдой и поиск истины. Это вечная тема и вечная проблема. Истина – это тот идеал, к которому все стремятся, но ложь – это та реальность, которой мы обладаем и которая сама владеет нами. Поиск достоверности посредством критической оценки действительности – это страховка от лжи. Ложь - это тот способ существования, который избирает человек, когда оказывается не в состоянии справиться с обстоятельствами, оказывающимися сильнее его честности. Фальсификация возникает, как некая возможность достижения нечестным путем искомой цели. «Цель оправдывает средства», но затраченные на достижения этой цели средства не всегда оправдывают интересы самой цели.

Фальсификатор – это великий гносеологический махинатор, перетасовывающий и переделывающий истину в ложь, и ложь в истину. Кто такой фальсификатор? Чаще всего это представитель элиты, у которого есть цель, средства, возможности и способности для того, чтобы из неудобной для него достоверности сделать удобную для него ложь, и заставить всех (путем убеждений или угроз) в эту новую правду верить. У фальсификатора мы наблюдаем диалектический разлом дела, слова и идеи, когда он говорит одно, думает другое, а делает третье. Когда слово оказывается неравным делу, а дело неравным Идеи, а Идея противостоит и слову, и делу, вот тогда мы точно имеем дело с фальсификацией, в которой должны найти равное (адекватное) ей слово и Идею. В фальсификации нет диалектической связки Идеи – Слово – Дело. Там слово не отражает суть дела и Идеи, а дает им извращенное толкование. Фальсификация это неверное слово о достоверном деле, при полном или частичном отсутствии какой бы ни было Идеи.

Создающий ложь, подозревает, что может быть разоблачен. Поэтому ложь всегда существует как тайное. Напротив истина всегда стремится к открытости и публичности. Скрываемая от всех истина вызывает подозрение. Фальсификация живет со страхом открытия новых исторических данных. Открытие новых данных – главная угроза для её созданного авторитета. Фальсификация – это ситуация, когда человеку легче бывает что-то сказать, чем это что-то сделать. И тогда явно сказанное становится мнимым сделанным.

Фальсификация есть преступление против Истины и Совести, поэтому она всегда подвергается гносеологическому и этическому анализу и осуждению. В данном случае применимы практически все общенаучные принципы мышления – индукция, дедукция, анализ и синтез, аналогия, сравнения, наблюдения, эксперимент, обобщения. Но необходимо установить некий порядок протекания этого процесса.

Всё, что в той или в иной степени содействует искажению ИСТИНЫ, может быть отнесено нами к фальсификации. И соответственно, всё, что содействует утверждению ИСТИНЫ - к верификации. Фальсификация – это ложь в действии; это насилие над истинной, во имя неких тайных целей. Это самоутверждение лжи на фоне истины и заблуждения, когда ложь пытается не просто вклиниться, но и встроиться в уже существующую систему ценностей и начать играть в ней главенствующую роль. Ложь всегда существует как истина и в этом есть творимое ею великое заблуждение.

Фальсификация многолика. Помимо непосредственного самого злонамеренного производства лжи, к фальсификации также следует относить: 1) пустые обещания политиков во время предвыборной борьбы; 2) война компроматов (черный PR); 3) заказные социологические/политологические исследования с заранее подогнанным результатом; 4) непроверенная журналистская информация, ситуативно объявленная сенсацией дня; 5) публикация секретных материалов, составляющих государственную тайну; 6) лженаучные (паранаучные, антинаучные, квазинаучные) теоретические построения; 7) идеологические догмы; 8) дезинформация спецслужб и дипломатии; 9) информация относительно военных действий (двойная мораль, право сильного и т.п.); 10) агрессивная реклама товаров и услуг сомнительного качества, 11) подделка денежных знаков и произведений искусства, 12) неверное (предвзятое) толкование закона и т.д., и т.п.

В целом следует признать, что фальсификация это одновременно и моральная, и гносеологическая проблема, указывающая на то, как человеческий разум может избирать ложный путь развития и мнимые ценности, для удовлетворения своих целей, для которых у него не оказывается адекватных средств. Фальсификация это своего рода компенсация неудовлетворенных целей нечестными средствами, достижение заветных целей незаконными средствами. Фальсификация это беззаконие разума, заговор лжи против Истины.

Что такое дефальсификация? Это, прежде всего, борьба. Борьба с фальсификацией – это своего рода «крестовый поход» против Франкенштейнов науки за отвоевание похищенной ими истины. Но тот, кто объявляет себя борцом за истину, берет на себя чудовишный груз ответственности, ибо не всегда высказанная и отстаиваемая им истина будет восприниматься другими в качестве таковой. В последнее время (в эпоху постмодернизма) человечество вообще утратило всякое чувство и чутье истины. Истина размывается в потоке информации, становится суррогатной. Сегодня главной проблемой познавательного процесса становится не свободный доступ к информации, а ее верификация. Но как раз именно критического восприятия информации современному обществу инее хватает. Мы или верим или не верим в пропаганду тех или иных идей, лишь потому, что они нам могут нравиться, или не нравятся.

Осуждение лжи и апология истины. Мораль требует от человека осуждение лжи и апология истины. Но политика чаще всего прикрываясь целесообразностью и выгодой, скрывает правду и выпячивает ложь, ибо борьба за власть не требует от них борьбы за Истину. Вся история развития философской мысли есть по существу осуждение лжи и апология истины. Вся политическая история есть напротив апология лжи и бичевание неудобной властям истин. Вынужденное сотрудничество науки с политической идеологией дает наиболее продвинутые образцы фальсификации, которые однако существуют в качестве истин лишь время, которое существует господство самой этой политической идеологии. Вульгаризация и фальсификация всякой теории, по мнению А.Я. Гуревича, наступает там и тогда, где и когда в идеологических целях власти начинают выводить идеи данной теории за пределы науки, делая их «предметом веры и компонентом принудительной идеологии тоталитарного строя» [6, с. 36].

Уже Платон возмущался тем, что общественное сознание заполнено и засорено недостоверными идеями-мифами, которые портят гражданское мировоззрение, уводя граждан греческих полисов по ложным и иллюзорным путям к ложным и иллюзорным целям. Его особенно возмущало увлечение архаической поэзией Гомера и Гесиода, в которой многие, по всей видимости, видели историческую истину, а не героев художественных произведений. Античный человек мог еще не различать грань, отделяющую миф от реальности и вымышленные истории от достоверных исторических фактов. Именно поэтому Платон сам создает свои философские мифы, которые им заранее объявляются в качестве выдуманных с целью лучшего понимания историй, чтобы с их помощью устранить, а по возможности и выкорчевывать «пни» художественной мифологии, воспринимаемые за действительность.

В проекте своего идеального государства он говорит о необходимости изгнания (устранения) из общественного сознания таких лживых поэтов как Гомера и Гесиода. При этом Платон вовсе не запрещает Гомеру и Гесиоду сочинять свои произведения, он лишь указывает на то, что люди должны понимать, что это художественные работы, а не научные трактаты. Однако многие критики Платона и сегодня воспринимают этот его призыв как призыв к запрету поэзии и художественного вымысла вообще. Но вряд ли нам сегодня следует столь радикально воспринимать Платона и оценивать его идеи. Речь как минимум идет о том, чтобы гражданам объяснить разницу между мифом и реальностью (современники Платона, видимо, этой разницы не понимали). Платон фактически выступает в роли Гермеса. Он и был Гермесом для своих современников, только они его не захотели слушать. Не хотим, почему-то, его слушать и мы, хотя Платон-Гермес не утратил своей актуальности и в наше время. Многое из того, что он тогда писал, звучит сегодня как пророчество.

Согласно Платону, Мир Идей – это мир смысла, мир точно установленного знания. В принципе, бытие Идей и бытие Людей совпадают. Совпадают, но оказываются далеко всегда нетождественными. Совпадения могут носить формальный характер, например, совпадать в «точках», но различаться в пространстве между «точками». Истина – это пространственно-точечное совпадение Идеи со словами и делами воплощающих ее людей. Фальсификация же это тот самый случай, когда Идея и ее воплощение не совпадают по содержанию, но нас уверяют в обратном, что они по форме формально идентичны.

Идея это и есть Истина (её максимальная концентрация). Ложь Идеей быть не может, поскольку в ней нет жизнеутверждающего начала. Ложь может только имитировать Идею, точно также как она имитирует в фальсификации Истину. В силу этого, фальсификация (точнее борьба с ней) становится серьезной мировоззренческой проблемой, поскольку поиск достоверного и нахождение в нем истинного есть смысл человеческого бытия. И в этом ему (человеку) изрядно помогает философия.

В широком смысле фальсификацию следует признать всякую ложь, т.е. целенаправленное и злонамеренное попрание истины и замена её «правильными истинами», придуманными в интересах ложного. Ложь рождается от бессилия и нежелания признать правду, которая может поставить человека в невыгодное для него положение или значительно снизить его качество, показав реальные его возможности и оценку. Фальсификация есть незаконное повышение статуса лица, делающего выбор между истиной и ложью в пользу последней. Единственное его (фальсификатора) преимущество заключается в том, что он обладает той истиной, что точно знает о наличии в его деле фальсификации. Главная цель фальсификатора – сделать других слабее, за счет подмены истины и введения всех в заблуждение. Управление процессом заблуждения является одним из самых эффективнейших средств в истории общественных отношений.

Проблема фальсификации это извечная проблема противостояния истины и лжи, в которой истина лишена всех прав, а ложь создала себе массу незаслуженных привилегий и преференций, доказывающие что она и есть самая настоящая истина. Фальсификация по существу это процедура узаконивания лжи в статусе истины, или хотя бы относительной достоверности. И в этом самоутверждении цель действительно оправдывает любые средства. Для фальсификации не существует никаких нравственных ограничений, ибо ложь сама собой отменяет все нормы морали.

Бороться с политической фальсификацией одна политология не может. Ей необходимо помощь других социально-гуманитарных наук и философии. Ведь философия по природе своей заострена на не просто поиск истины, но и преодоление лжи. Философия это не просто поиск истины, но и некие умственные действия, направленные на ее утверждение в жизни. Философия ищет истину, как и путем утверждения самой достоверности в качестве господствующей точки зрения (катафатический принцип), так и путем отвержения от нее лжи и заблуждения (апофатический принцип). Философия и наука представляют собой конкретные способы по производству

истины. Но параллельно с ними существует еще и теневая «умственная экономика», производящая ложь и поддерживающая (вольно или невольно) выгодное кому-то для каких-то целей заблуждение.

Наука сталкивается с фальсификацией столь же часто, как и политика. Наука представляет собой способ опровержения научных заблуждений прошлого, главной задачей которого является избежать возможности опровержений её собственных теорий в будущем. Предвидеть такое сложно, практически невозможно, поскольку новое поколение ученых или добавляет, или уточняет, или и вовсе опровергает позиции своих предшественников. И происходит это не в силу их мстительности, а в силу именно поиска истины. Но одно дело заблуждаться, и совсем другое дело кого-то осознанно вводить в заблуждение. Может показаться, что фальсификация есть только последнее. Но к ней мы должны будем отнести и сознательное поддержание заблуждения, с целью извлечения из этого неких выгод.

Гносеологическая триада (истина, заблуждение, ложь) имеет непростую историю своего публичного развития. Собственно говоря, вся история человечества есть история борьбы интересов и ценностей внутри этой триады. Фальсификация есть и средство поддержания уже существующего заблуждения и средство сознания нового вида лжи, маскирующейся под старую истину.

Гносеологический круг. В классической герменевтике хорошо известен введенный ещё самим Ф. Шлейермахером «герменевтический круг», который выражает принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого, описывающий взаимообусловленность объяснения, интерпретации и понимания. Согласно этому концепту, процесс понимания никогда не может быть принципиально завершён, поскольку мысль бесконечно движется по всёрасширяющемуся кругу, где постоянно совершается повторное возвращение от целого к части и от частей к целому. При этом непрерывно происходит изменение и углубление понимание смысла части и постоянное развитие целого [12]. Г. Гадамер добавлял, что важную роль в таком понимании играет личность, ибо каждый видит текст своими глазами, и измеряет его своим жизненным опытом и качеством знания [5].

Однако помимо этого «круга» мы вправе выделить еще один существующий в гносеологической триаде круговорот идей и иллюзий, который мы бы могли условно назвать «гносеологическим кругом». *Гносеологический круг* – это постоянно меняющиеся в зависимости от ситуации и времени своими местами и позициями ложь, заблуждение и истина, в результате этой смены, создающие непрерывный информационный поток, главная цель которого состоит в донесении до личности истинного знания, путем отсеивания (отсеивания) от него лжи и заблуждения.

Это своего рода «колесо Сансары», когда происходит перерождение одних и вырождение других идей, посредством надления их в процессе развития знания и его познания символами «ложь», «заблуждение», «истина». И действительно, мы видим, как одно историческое время доминирует в качестве истинных конкретные знания, которые по прошествии веков, утрачивают свою силу и становятся ложными. Классическим примером здесь могут быть названы физика Аристотеля и Птолемеяевская картина мира.

В теории познания существует одно общее правило, из которого исходят все фальсификаторы мира: Ложь всегда стремится представить себя в качестве истины и выдать себя за нее. Она и выглядит как «истина», и на неё смотрят как на «истину» и как «истину» оценивают и ценят. Ложь всегда существует как истина и в этом есть творимое ею великое заблуждение и великая несправедливость. Именно в акте фальсификации ложь соединяется со злом, и образует этико-гносеологическую аномалию, бороться с которой нас заставляет любопытство и совесть. Причем совесть может быть столь же важным и надежным критерием в нашей оценке и борьбы с ложью, как и сами герменевтические приемы оценки достоверного.

Всякая фальсификация рано или поздно должна быть разоблачена. Процесс дефальсификации является итогом кропотливой работы верификации. Преодоление

фальсификации - это возвращение Истины в мир к людям, из которого она была исключена по злой воле фальсификатора. Дефальсификация - это своего рода фильтры, которые гносеология должна установить на информационный поток. И «фильтры» эти должны иметь проверенные методологические основания. В качестве такого метода мы можем назвать герменевтику. Герменевтика как метод, прием и принцип адекватного понимания текста имеет широкое применение в процессе дешифровки историко-политических фальсификаций.

Герменевтическая триада: Текст – Подтекст – Контекст. Смысл знания заключается не только в одном тексте, но находится также в его подтексте и контексте (*contextu*). Именно с ними текст образует некую герменевтическую триаду (триада – значит, каждый его элемент дополняет другой и может быть раскрыт только посредством анализа другого). Понимание себя через другого – характерная особенность элемента триады. В данном случае, текст, подтекст и контекст необходимо рассматривать как некое единое целое, находящееся в логико-диалектической взаимосвязи.

Как известно, существует два подхода в интерпретации сущности *текста*: а) точки зрения *имманентного подхода* понимания текста, он представляет собой некую автономную реальность, имеющую свою особую внутреннюю структуру; б) *репрезентативный подход* рассмотрение текста как особой формы представления знаний о внешней тексту действительности. Для герменевтики важно, чтобы оба эти случая были учтены и сведены в некую систему.

Текст имеет внутренние логико-диалектические скрепы, которые обеспечивают его смысловое единство. По тому, в каком состоянии они находятся и как эти скрепы разрушаются, можно судить о качестве текста на его гносеологическую достоверность. Практически в каждом тексте должен быть обнаружен свой подтекст, второй, а быть может и третий, и четвертый уровни понимания. В связи с этим, подтекст может быть нами разложен на поиск второго значения авторского слова, событийного дела и психологии поведения действующих в рассказе лиц.

Подтекст (подспудный, неявный смысл высказывания, внутренний, скрытый смысл) понимается как отличный от прямого значения высказывания смысл, который восстанавливается с учётом ситуации, контекста. Он не выражен явным образом, а восстанавливается читателем (слушателем, адресатом) на основании соотнесения конкретного фрагмента текста с другими фрагментами. Восстановление смысла подтекста возможно, поскольку текст, наряду с непосредственно явленной линейной структурой обладает также некоторым набором внутренних нелинейных структур, которые соподчинены друг другу и вступают друг с другом в прямые и обратные связи. Такое параллельное восприятие текста и подтекста соотносится как восприятие «поверхностной» структуры (текста), так и «внутренней, скрытой» структуры (подтекста). При этом подтекст может быть в разы актуальнее самого текста [5, с. 72–91].

Текст не может быть адекватно понят без совокупности фактов и обстоятельств, в окружении которых он существует. Поскольку общественное бытие есть действие и противодействие, понимания текста этого акта невозможно без анализа контекста. Текста вне контекста не существует. Текст должен четко чувствовать свои границы и находить свое продолжение за их пределами (по ту сторону своего бытия). *Контекст* для нас это и условия существования текста и его связь с другими текстами. Текст в отношении другого текста может выступать в роли контекста, а может быть и его подтекстом. Здесь необходим диалектический принцип – конкретный анализ конкретной ситуации. Как правило, фальсификатор думает о тексте и забывает об его контексте. В широком смысле слова, *контекст* - это историко-культурологический ландшафт (фон, окружающая среда), состоящий не только из бытовых мелочей, психологических особенностей, политических подробностей, но также массы логических и диалектических связей. Сосредоточенный на тексте фальсификатор, не может предвидеть (предугадать) все эти детали, а потому верификация сталкивается не со смыслом, а с его отсутствием, с пустотой. Разгадка тайны текста кроется в раскрытии полноты содержания контекста. Если мы хотим увидеть истину в тексте, мы должны

удостовериться в правдивости его контекста. «Пустота» – главное доказательство того, что фальсифицированный текст не имеет (лишен) своего исторического контекста.

Исторический текст это некая схема событий, даже не их конспект (конспектом был бы устный рассказ очевидца или участника о том, что впоследствии стало текстом). При этом переход от текста к его анализу не должен быть скачкообразным. Анализ должен быть дедуктивен, т.е. без попусков и «логических кочек». Расшифровка смысла состоит в том, чтобы соединить текст с контекстом, раскрытие уровней значения, заключенных в буквальном значении (П. Рикер), проникнуть через букву в замысел автора, т.е. познать дух текста.

Если мы видим логическое единство текста, подтекста и контекста, то мы можем с большей уверенностью утверждать, что имеем дело с достоверностью, а не с фальсификацией. Только альтернативная версия истины может показывать наличие достоверности во всех трех областях смыслового знания. Фальсификатор, как правило, не может предусмотреть всех нюансов такого единства, и редко когда добывается нужного их согласования.

В связи с вышеизложенным, элиту мы вправе тоже рассматривать на этих трех герменевтических уровнях – есть *элита текста* (её публичная практика, официоз), *элита подтекста* (её закулисная деятельность, ненормативная практика) и *элита контекста* (политико-бытовые условия, в которых она существует). Если в элитологическом анализе выясняется, что эти три ипостаси одной и той же элиты не совпадают или и того хуже, противоречат друг другу, то перед нами тогда: а) или квази-элита или б) фальсификация элитой своей элитности. Во всяком случае, перед нами ещё один способ проверки элиты на ее качество. Проверки, носящей исключительно герменевтический характер. Проверки, весьма жесткой и нелюбезной для многих так называемых «элит».

Искажение понимания текста может возникать и тогда, когда сказанное автором иносказательное понимается читателем буквально, как некая реальность. Так, всем известная фраза Платона о том, что Атлантида располагалась за Геркулесовыми столбами, большинством ученых понимается буквально с географической точки зрения. В древности Геркулесовыми столбами назывался Гибралтарский пролив. Поэтому и расположенный за ними океан стал называться Атлантическим, т.е. океаном атлантов. Но, скорее всего, Платон имел в виду не конкретную географическую точку, а говорил образно, иносказательно. Древние греки считали Геркулесовы столбы местом, за которым заканчивается известный им мир. Следовательно, когда Платон говорит о том, что Атлантида находилась за этими самыми столбами, он имел в виду, что никому неизвестно ее точного месторасположения («за Геркулесовыми столбами», значит неизвестно где). Но самым ближайшим местом, которое подходит под описание платоновской Атлантиды является крито-минойская цивилизация (о. Санторин) и искать её где-то в другом месте, значит, без надобности умножать сущности («брита Оккама»). В других местах будут другие «Атлантиды».

Историческая герменевтика. Самым действенным средством от фальсификации является герменевтика. Как политическая элита неотделима от фальсификации, так и герменевтика неотделима от верификации. В историю многие политические элиты проникают через фальсификацию. Поэтому рассматривая историю, мы решаем и отдельные вопросы дешифровки самой политической действительности. Основы исторической герменевтики мы непосредственным образом выводим из классической герменевтики. Нам необходимо перевести законы классической герменевтики на язык исторической герменевтики, адаптировать ее к новым условиям. Законы герменевтики пишет Гермес и его подручными (герметисты), к числу которых относимся и мы сами.

Историческая герменевтика чаще всего имеет дело с историческими документами, за текстом которых стоят не только конкретные события, но и конкретные исторические личности. Именно поэтому в исследовании прошлого мы должны уделять первейшее внимание характеру и качеству действующих личностей, которые скрывают свою тайну за тайнами происшедших с ними событий, ибо «тайна истории ухо-

дит в тайну личности» [8, с. 56]. Поэтому дефальсификация событий не может быть без дефальсификации исторических личностей. В сущности историческая герменевтика должна завершаться историческим персонализмом, изучением «VIP- history», со всеми их психолого-культурными и социально-политическими подробностями.

При этом, если из анализируемого нами текста куда-то вдруг начинает исчезать (выпадать) личности действующих в них персонажей, или личность самого автора вдруг становится непонятной и «мутной», значит в истории этого текста появилась еще одна личность (фальсификатор), который создает свою версию прошедшего. Мониторинг и диагностика исторических личностей тем необходимее для исследования, чем больше нарастает у него подозрений в фальсификации истории. Когда VIP- history начинают вести себя неадекватно, или совершать алогичные поступки, или произносить психически ненормальные речи, то это значит, что автора текста появился соавтор (редактор-фальсификатор).

В исторической герменевтики происходит два важных столкновения интересов в понимании: 1) столкновение точки зрения Я-автора текста с позицией Я-фальсификатора, с одной стороны, и 2) когда оба эти Я сталкиваются и начинают взаимодействовать с третьим Я – с Я-субъектом герменевтики (верификации). Поскольку речь идет о категории «Я» и конфликте, то обойтись без данных психологии и диалектики нам будет крайне сложно.

Мы убеждены, что вне диалектики герменевтика не в состоянии справиться с верификацией фальсификации. Если метафизика слова есть не просто его внутреннее содержание и цельность, и указывает на то, что оно есть еще и «вещь в себе», то диалектика слова рассматривает его во всеобщей связи с другими словами и в динамике его постоянного развития. Уже в самих научных терминах мы обнаруживаем смысловое напряжение и разность восприятия и понимании объекта. Их буквальное (метафизическое) понимание исключает анализ наличествующих в них противоречий и развития заложенной в них идеи. Герменевтика учит нас логическому переходу от метафизического понимания смысла слова к пояснению его диалектической сущности. Именно на этом и базируется наше общее понимание историко-политической герменевтики и трактовка самой фальсификации как некоего постоянно самовоспроизводящегося феномена.

Известный специалист этой области Поль Рикер (1913–2005) рассматривал герменевтику именно в качестве попытки «прививки к феноменологическому методу» [9, с. 56] Он определял герменевтику как «теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов» [13, р. 43]. Данная дефиниция возвращает герменевтику в привычное русло исследований – интерпретация текстов как систем символов. Интерпретация, по Рикеру, направлена на расшифровку смысла, который скрыт в очевидном, в раскрытии иерархии уровней значений, «заклоченных в буквальном значении».

Герменевтика учит нас смотреть на историческое время глазами самого этого времени. Как отмечал тот же французский философ, «когда Шекспир говорит о времени как о нищем, то он учит нас смотреть на время так, как смотрит на время нищий» [13, р. 51]. Герменевтика стремится к максимально точному переводу смысла. Но гарантировать стопроцентное понимание и она не может. В тексте всегда остаются невыясненными следы контекста. К тому же некоторые особенности текста (как например, метафоры) поддаются переводу крайне сложно, «потому что они создают свое значение» [13, р. 52]. Такие «черные дыры и белые пятна» понимания могут быть лишь нами перефразированы, но и при этом данный нами парафраз будет не способным полностью раскрыть значение, выраженное метафорой и будет ее искажать.

Немаловажную роль в понимании текста играет дешифровка значения символов и метафор. Иногда символика может содержать гораздо больше информации, чем сам текст. При этом новое понимание символов способствует дальнейшему развитию дешифровки метафоры, «которая в противном случае остается скрытой» [13, р. 54]. Символы одной исторической эпохи могут не совпадать с символами другой. Вот

почему и здесь важно диалектическое понимание их развития. Без этого знания текста могут оказаться для нас закрытыми, быть тайной за семью печатями. Сам П. Рикер допускал наличие спекулятивных суждений в отношении интерпретаций герменевтических категорий метафора и символ. Он заявлял, что «с одной стороны, существует нечто большее в метафоре, чем в символе; с другой стороны, существует нечто большее в символе, чем в метафоре» [13, р. 68]. Но метафора и символ суть иного уровня понимания текста, чем его буквальное, техническое прочтение. Существующее различие между метафорой и символом П. Рикер видел в том, что метафора является феноменом языка и не может существовать отдельно от него, в то время как символ, хотя и артикулируется в языке, но имеет укорененность в глубинах человеческого опыта, в структуре универсума. В символах содержится нечто такое, что не переходит полностью в язык и «сопротивляется лингвистической, семантической или логической транскрипции» [14, р. 186].

Паспорт фальсификации и индекс достоверности. Вред, который наносит ложь, сопоставим с военными потерями и моровыми эпидемиями, с экономическим кризисом и экологическими катастрофами. Если человечество давно уже осознало и научилось наблюдать за этими негативными процессами, влияющими на его жизнь, то почему бы ему не научиться столь же эффективно отслеживать ложь, и своевременно предупреждать её последствия? Мониторинг фальсификации как раз и позволит нам избежать деструктивные последствия лжи на нашу действительность, научит нас ещё на ранних стадиях ее развития своевременно выявлять и оперативно вмешиваться в процесс ее развития. Сколько бы удалось человечеству избежать политических бед, если бы своевременно народы были осведомлены о ненормативной деятельности своих элит и лидеров?! Процесс верификации, как правило, носит ситуативный характер, в то время как он должен быть постоянно действующим. Нужны мощные фильтры против фальсификации

Установление и описание самого факта фальсификации должна происходить по определенной процедуре и форме, т.е. иметь некий технический паспорт. В этой связи мы должны будем указать на имеющиеся этапы в работе по дефальсификации. Их как минимум пять:

(1) *СД – сомнение в достоверности (идентификация фальсификации)*: появление сомнительных данных, в результате выявления логических несостыковок, пропусков и вставок, а также ненаучных характеристик и мнений относительно конкретного исторического или политического события.

(2) *КА – критический анализ*: работа над дешифровкой формулы фальсификации, с установлением ответа на вопросы кто, когда, зачем это сделал? У каждой фальсификации есть своей автор (или авторский коллектив), у которых были их интересы и определенные преследуемые ими цели. Для них фальсификация – это средство, помогающее им достигнуть их конкретные цели. Для нас фальсификация – это путь к выявлению истины, даже если она нам всем неприятна с точки зрения соблюдения этических и правовых норм, или соблюдения национальных интересов.

(3) *РС – реконструкция событий*: восстановленная реальность. Цель дефальсификации - возвращение к подлинной (достоверной) реальности. Если фальсификация попирает достоверность, то дефальсификация её восстанавливает и возвращает.

Особо отметим, что КА и РС составляют сам непосредственный процесс дефальсификации, итогом которого является ДИ.

(4) *ДИ – достоверность истинности*: доказанная истинность, опровержение «старой истины», в результате ее гносеологического и морального несоответствия. Процедура признания научной, а затем и гражданской общественностью реальности новой достоверности.

(5) *ВФ – выявленная (или доказанная) фальсификация*: доказательство того, что фальсификация имела место быть; признание наличие акта фальсификации, и установление лиц участвовавших в этом злонамеренном против истины действии. Окон-

чательная стадия процедуры признания фальсификации всеми участниками познавательного процесса.

В соответствии с описанной выше структурой процедуры дефальсификации мы можем установить формулу паспорта фальсификации:

$$СД - (КА + РС = ДИ) - ВФ$$

Описанная методика проверки достоверности на элемент фальсификации может выявить как положительный результат, т.е. привести нас установлению реального факта фальсификации, но может дать и отрицательный, т.е. тем самым будет подтверждена достоверность и неуместность наших критических замечаний относительно истинности взятого под сомнение факта/акта.

Описанная нами выше формула носит общий характер, а потому открыта для уточнения, в зависимости от возникающих в ходе проверки обстоятельств. Верификация фальсификации всегда требует *конкретный анализ конкретной ситуации*.

Далее. Возникает необходимость оценки проделанной работы. Ведь выведенная нами формула может сработать не на все 100 %, а дать лишь промежуточный итог. Такое бывает тогда, когда исследователь обладает не полной базой данных и не в состоянии довести формулу работы до её полного логического завершения. В таком случае необходимо зафиксировать промежуточные итоги работы, в надежде на то, что в будущем она будет продолжена с учетом появившихся новых научных данных.

В этой связи следует ввести коды оценки («индекс достоверности») завершённости работы:

ДУФ – *достоверно установленная фальсификация* (доказательство на все 100 или даже 120 %), абсолютный положительный итог работы, когда установлена Истина.

НПФ – *неполная фальсификация*, когда не достаёт 10-20 % доказательств, и существует надежда завершить начатую работу в ближайшем обозримом будущем.

ФФ – *фрагментарная фальсификация* (примерная доказанность 50 %); подразумевает отложение проекта на неопределённое будущее, в связи с возникшими непреодолимыми проблемами.

ГФ – *гипотетическая фальсификация*, т.е. исследования на уровне подозрения достоверности существующего факта (самая начальная фаза работы), когда появляются первые сомнения.

Мера достоверного может быть измерена по десяти бальной шкале ценности – А, В, С, где А - есть высшая мера, а С – низшая оценка. А – *достоверно абсолютно*, имеющая неоспоримые доказательства, признанные большинством научного сообщества (в качестве абсолютной достоверности – АА); В - *достоверно относительно*, С – *сомнительная достоверность*, имеющие серьёзные встречные возражения.

В основу этой классификации мы положим меру полноты истины и меру признания её в научном сообществе. Выстраиваются как бы две параллели, дополняющие друг друга, и словно как ДНК, заворачивающиеся в бесконечную спираль взаимосвязей:

Мера полноты истины	Мера полноты научного признания
<i>Достоверное</i> – содержащее максимум истины; мало подвержено изменениям	<i>Утвержденное</i> – признанное научным сообществом
<i>Относительное</i> – имеющую среднюю (изменяемую) величину истины, способную измениться в лучшую сторону	<i>Доказанное</i> – в качестве единичного случая, утверждаемого ученым
<i>Сомнительное</i> – имеющее оспариваемую (т.е. минимальную) истинность, вызывающее множество критических нареканий и сомнений	<i>Обоснованное</i> – имеющее право на существование в рамках относительной научной гипотезы

В соответствии с указанными критериями мы вправе предложить следующую десяти бальную шкалу ценности достоверности:

(10) АА+ – научная догматичность (крайне редкая форма оценки, чреватая подозрением в фальсификации); абсолютная достоверность.

(9) АА – утвержденная достоверность.

- (8) А – достоверно доказанное.
- (7) ВА – обоснованная достоверность.
- (6) ВВ – относительная утвержденность.
- (5) ВС – доказанная относительность.
- (4) СВ – сомнительная достоверность.
- (3) СС – сомнительная доказательность.
- (2) С – сомнительная обоснованность в доказательстве её фальсификации.
- (1) ФС – взятая под сомнение достоверность (начальный этап развития дефальсификации).

Классификация фальсификации по этим основаниям, даст нам возможность систематизировать объем и качество проделанной работы, выявить ее сильные и слабые стороны, наметить дальнейших фронт и вектор работы.

С чего начинается дефальсификация: сомнение в достоверности (СД). Работа с фальсификацией начинается с ее идентификации. Порой для этого достаточно лишь одного подозрения в неточности или в недостоверности (невероятности) какого-либо сообщения. Когда же такие подозрительные мелочи накапливаются и можно уже говорить о некоей их системе,

О самой фальсификации можно говорить, когда о недостоверности какого-либо исторического события начинают говорить независимо друг от друга двое. Это уже повод, но ещё не основания для утверждения. Чтобы утверждать, необходимо наверняка знать и убедить в своей правоте других.

Появление сомнения – это первая кочка, на которой всегда спотыкается фальсификатор. Сомнение появляются как в результате выявления нарушения в логике события (несовмещения фактов), так в результате выявленных пропусков или нужных вставок. Сомнения усиливаются с появлением ненаучных комментариев, характеристик и мнений «специалистов» в результате чего конкретные исторические события приобретают искаженный вид.

Но бывают случаи, когда подозрения так и остаются подозрениями и не получают своего дальнейшего развития в силу отсутствующей дополнительной информации. Они оказываются на правах гипотезы, так как их нельзя бывает ни доказать, ни опровергнуть. В качестве классического примера здесь можно будет привести известия античных авторов, о том, что именно по приказу императора Нерона был в июле 64 г. подожжен Рим. Верить этим авторам из-за их политической тенденциозности у нас нет веских оснований, но и полностью опровергнуть это сообщение у нас тоже недостаточно сил.

Конструктивная критика фальшивки. В работе с фальсификацией просто одной критикой не обойдешься. Необходима не просто критика, а именно конструктивная критика с элементами когнитивного и креативного реконструирования событий. При этом особую важность приобретает вопрос о том, кто является заказчиком этой фальсификации, кто исполнителем и её потребителем? За каждым актом фальсификации стоят конкретные лица, которых мы могли условно назвать «преступниками» (поскольку они переступили через истину и нравственную черту). При этом заказчик и исполнитель чаще всего предпочитают оставаться в тени событий и не афишировать свою причастность к фальсификации. Главная цель фальсификации - подменить одну ценность другой. Поэтому конструктивная критика всегда направлена на раскрытие утраченной ценности, очищение ее от «шлака» и «мусора» ложного утверждения.

Реконструкция. Конструктивная критика должна завершаться реконструкцией утраченных событий. Без подобной реконструкции вся работа по дефальсификации будет неполной. Восстановление достоверного - это возвращение утраченного, преодоление препятствий, мешавших объективно и адекватно оценивать утраченное.

Дефальсификация означает возвращение истины и лжи на свои адекватные позиции. Задача дефальсификации подразумевает разоблачение фальсификации. Разоблачение – это значит официальное объявление о существующем акте фальсификации, как скрывающим ложное и выдающее его за истинное. Процесс дефальсифика-

ции должен отвечать принципу краткости, дабы в его многословие не могла вкрасться неточность или новое ошибочное суждение. Реконструкция может носить как полный, так и частичный отказ от вкравшегося в наше сознание мифа.

Признание новой достоверности. На основе критики и реконструкции создается система доказательств ложности одних и подлинности (вероятной) других. На этом этапе важно открытое обсуждение полученных результатов, с целью их уточнения исправления допущенных ошибок. Процедура признания сопровождается экспертной оценкой, сводящейся к проверке самих новых данных на возможный элемент недостоверности (фальсификации). Разоблачение фальсификации это установление достоверного, скрываемого ложным. У ранее не бывшего истинным знания появляется новый статус - истина (или напротив - ложь). Фальсификация творит смертную истину, т.е. потенциально рано или поздно ее утверждение будет выявлено как ложное. Истинная идея бессмертна. Ложь умирает, когда ее развинчивают и доказывают ее неадекватность.

Доказанная фальсификация. Выявленную фальсификацию уничтожить (утилизировать) или просто выкинуть на свалку истории нельзя. Выявленная фальсификация ценна для истории науки, как пример преодоления научным сознанием заблуждения. На этой стадии особую важность имеет поименное название всех лиц участвовавших в фальсификации. Но доказанная фальсификация фактически означает об удвоении истины - мы получаем новую истину плюс выясняем, что старая истина является ложной, но при этом наше утверждение об этом тоже является истиной. В этом плане мы можем говорить о том, что дефальсификация обладает прибавочной стоимостью.

Процесс дефальсификации всегда носит прибавочный характер, так как добавляет к уже известному знанию новое. Это всегда прибавление Истины. Но одновременно с этим в нём заложен также и исключаящий принцип, поскольку он выводит за рамки достоверного и истинного прежде признаваемые подлинными научные знания, переводя их в разряд ненаучного или вненаучного знания. Такие переводы часто сопровождаются сопротивлением тех, кто продолжает настаивать на достоверности прежних данных и отказывается признавать за проведенной верификацией научную достоверность. Обычно этими несогласными бывают сторонники идеологического патриотизма или ученые с схоластическим (традиционным) типом мышления.

Нас в большей мере интересуют практическое применение принципов дефальсификации, чем разработка ее теоретической части. Теория проверки достоверного, была весьма детально разработана ведущими специалистами в этой области, такими как И. Лакатос, К. Поппер и др., [7] и нам нет необходимости заниматься пересказом их теоретических рассуждений или пропагандой их явных достоинств, за неимением собственных. Мы лишь переносим уже проверенные ими идеи с общенаучного уровня на уровень частных случаев, в надежде на то, что они (эти их принципы проверки) будут работать и здесь.

Сущность политической фальсификации. Оставшаяся без верификации политическая фальсификация, становится достоянием истории и постепенно переходит в ранг достоверной официальной информации. Отличие исторической фальсификации от политической заключается в том, что историческая по прошествии времени, уже утратила ту политическую элиту, которая её породила и держится в истории лишь на интересе ее преемников, если таковые имеются в наличии или на силе привычки, если таковая в общественном сознании всё ещё сохраняется.

О наличии элиты свидетельствует иерархия и необходимость управления такой системой. Элита это самое активное творческое меньшинство, занимающее высшие иерархические эшелоны и имеющие возможность проводить свою волю в жизнь. Борьба с конкретной фальсификацией означает борьбу с конкретной элитой. С другой стороны, по качеству фальсификации мы можем судить о качестве самой элиты, о её целях, задачах, ресурсах и средствах борьбы за власть. Поэтому, само выявление наличие фальсификации дает элитологии дополнительную информацию о ненормативных

средствах деятельности элитной группы. Сведения, которые сама элита желала бы во что бы то ни стало скрыть, дабы не подвергать опасности свой официальный имидж.

Две правды о власти могут в корне изменить наше отношение к ней - правда о реальном качестве профессионализма самой элиты и тайна происхождения её капиталов. Ложь элиты рождается именно в результате проблем, возникающих в ходе этих двух практик. Элита была бы, несомненно, самой лучшей, если бы не лгала и не воровала. Фальсификация и коррупция есть два самых главных пороков любой политической элиты. Но поскольку элита ворует, ей приходится лгать о том, что эта правда не правда, а наглая ложь

Наука об элите и элитности (элитология) давно уже столкнулась с проблемой достоверности знания об объекте (элите) и предмете (элитности) своего исследования. Элитизация, как процесс развития формы (элиты) и содержания (элитности), весьма часто сопровождается с многочисленными спекуляциями относительно явных и мнимых достоинств и недостатков этого избранного творческого меньшинства. Столько неправды, сколько элита сказала о себе самой, больше она ни о ком другом не сказала. Тема об истинной элитности элиты является самой запретной темой современной науки. В целом элитология может быть сведена к науке о том, почему элиты говорят о себе неправду и в чем заключается правда самих элит и их элитности (во всяком случае, история элитологии свидетельствует в пользу именно этого нашего утверждения) [1].

В идеале, элита – это избранное, потому что лучшее. В реальности, элита это то, что сумело неведомыми путями занять наивысшие иерархические позиции, и утвердиться там при помощи силы и хитрости. При помощи фальсификации политические элиты пытаются компенсировать свою неполноценность в элитности. Когда среди правящего начальства возникает несоответствие формы и содержания (т.е. когда элита оказывается без должной элитности), возникает угроза разоблачения и селекции не в ее пользу. Источниками фальсификации являются низкий уровень этических ценностей и некачественный профессионализм. Возникающие в результате этого ошибки и соблазны, как раз и способствуют обращения субъекта к подделке.

Чем должна быть элита, и чем она есть на самом деле - далеко не одно и то же. Расхождение между Идеей элиты и её реальностью бывает порой столь же значительным, как и расхождение между её словом и делом. Бытие реальной элиты включает в себя не только область её публичной политической деятельности, но и сферу тайных, закулисных отношений. Причем именно в это политическое закулирье элиты переносят все самые важные свои договоренности. Наблюдая за одной лишь публичной сферой, политологи обнаруживают явные «провалы» в системе договорных отношений, которые указывают на ненормативные практики власти. Пытаясь как-то оправдать эти несостыковки, власти и идут на подмену действительности. Так возникает параллельная политическая действительность, инсценированная властями для отвода глаз общественности.

Фальсификация – это один из самых ярких пороков современных элит. И речь здесь касается не только деятельности политической элиты, но и элит иных профессиональных сфер деятельности, потому что именно у них оказывается больше возможности и повода для продуманной и целенаправленной лжи. Ведь фальсификацию необходимо поддерживать, сопровождать (не допускать разоблачения). Частный человек может солгать в своих или в общественных интересах, но создать систему лжи, которая бы гарантировала получения выгоды от эффективно действующий фальсификации, он не всегда может. Для этого необходимы корпоративные усилия. И элита как раз такие возможности фальсификатору и предоставляет. В итоге получается коллективный сговор, заговор элит, в котором элиты фальсифицируют, прежде всего, свою несостоявшуюся (т.е. ложную) элитность, а следовательно и незаконный высший иерархический статус, делающий их элитой.

Для нас вполне очевидно, что фальсификация служит оправданию власти, особенно её нелегальных практик. В отдельных случаях ложь и власть фактически становятся си-

нонимами. Фальсификация оказывается самым востребованным средством достижения и оправдания власти. Её главная цель – быть на острие апологетики правящей элиты. Чтобы правящие элиты могли обойтись без фальсификации маловероятно. Для них фальсификация – это надежное средство сокрытия ненужной истины. Именно в этом смысле надлежит понимать т.н. черный PR, который есть утверждение авторитета власти любой ценой и за счет любых средств. Здесь цель не просто оправдывает средства, но и все средства оказываются хороши в зависимости от их пользы.

Из того банального мнения, что политика есть сфера узаконенного обмана, вытекает не менее тривиальное, что политики чуть ли не все поголовно являются приверженцами сознательного обмана, что они живут в ложном мире, зная о том, что он ложный и делают все, чтобы он таковым и далее оставался. Что такое политическая фальсификация? Это культ сознательной лжи. Политическая фальсификация есть в первую очередь циничное нарушение морали, лицемерие, искажение действительности, демагогия как обвинение других в демагогии, политика пронизанная духом сознательного обмана и мир обманутых, фальсификация есть, наконец, фальсификация фальсификации.

Так, Л.Д. Троцкий утверждает, что сталинизм борется с западной демократией при помощи фальсификации, а западные либеральные политики борются с ни при помощи клеветы и цинизма; что политика по существу есть борьба идеологических фальсификаций друг с другом, борьба не за правду, а за влияние на умы и возможность ими манипулировать в своих корыстных интересах [11, с. 5–6]. Но называть вещи их собственными именами никто из политиков не решается, в том числе и сам Л.Д. Троцкий, личная борьба которого с И.В. Сталиным идет тоже в русле критикуемой им политической фальсификации.

Сам же И. Сталин ратовал за то, что бы созданная им идеология, развивалась не формально (по букве), а реально, т.е. по содержанию (по духу). Он видел главную угрозу своего политического режима в перерождении его бюрократической партийной элиты изнутри. Таких идеологов марксизма вождь презрительно называл «начетниками и талмудистами» [10, с. 412–415]. Падение культуры политического языка Сталин рассматривал как падение качества правящей элиты и был совершенно прав в подобных своих выводах. Речь фактически шла об уровне доверия и понимания элиты и общества. Власть слабеет, когда начинает разговаривать со своим народом на чуждом и непонятном для него языке (и это правило действует для всех эпох без исключения). Вождь это понимал. Его элита – нет. Поэтому сталинская элита сразу же после его смерти пошла на предательство своего вождя, и через это обновление попыталась добиться улучшения понимания с народом.

Бороться с политической фальсификацией должна специализированная герменевтика. Политическая герменевтика – это средство борьбы за истину в политике. Если бы политика была строгой наукой, истина в ней выводилась бы с математической точностью. Но все дело в том, что политика – это мир субъективного знания, не всегда совпадающего с тем, что пишет политическая наука. Политическая герменевтика указывает на взаимозависимость слова и дела. Слова без смысла заложенной в ней идеи не бывает. Но в политическом мышлении встречаются смысловой вакуум, когда есть слова, но нет смысла. Политическая герменевтика является прямой противоположностью «черного пиара» (PR), для которого *политическая манипуляция* является нормой, а для герменевтики – патологией политического бытия.

Практикум по исторической герменевтики. Когда мы переходим от теории к практике, то важно всегда соблюдать дедуктивный порядок, который устанавливается между нашими словами и самими делами. Имея некоторый опыт в подобных практиках, мы позволим себе дать в настоящей работе лишь частную иллюстрацию, того, как разработанные нами теоретические выкладки работают на практике.

Тема достоверности исторического знания является одной из самых стабильных и древних тем, разрешение которой волновала древних авторов не меньше чем нас. Для исторической герменевтики интересны те случаи, когда одно и то же лицо выступает и в роли участника событий, и в роли автора её истории. Чаще всего общест-

венно значимая фальсификация исходит от элиты, служит элите и разоблачается другой элитой. Трудно себе представить в истории политическую элиту, отделенную от фальсификации. Поэтому в определенных условиях, элита и фальсификация становятся синонимами, ибо элита фальсифицирует историю, для того чтобы представить себя в наиболее выгодном свете, т.е. фальсифицируется сама элита.

Классическим примером здесь может стать творчество Лоренцо Валла, в 1440 г. прекрасно разоблачившего подложность такого документа, как «Дар Константина», [4] коим римская курия не одно столетие прикрывало свое социальное господство и оправдывала эгоистические политические амбиции. Но тот же Валла в своем трактате «Об истинном и ложном благе» (1432) резко нападал на стоицизм и пытался примирить с христианством эпикуреизм. В этом трактате он называет философию жалкой блудница (*scena meretricula*, театральная шлюшка), и отдает явные предпочтения вере [3]. Такая крайняя предвзятость в оценке, предопределенная его симпатиями и антипатиями, может не в меньшей степени, чем фальсификация искажать достоверность, навязывая публике субъективную точку зрения. Фальсификация порой весьма умело маскируется под такой субъективизм, пытаясь представить себя в качестве альтернативной версии.

Высказанное Л. Валла замечания ценны для нас тем, что перед нами фактически оказывается рефлексия историка, занимающегося созданием исторического труда («История деяний Фердинанда, короля Арагона», 1446 г.). Он утверждает, что на «деле редко одно и то же событие описывается одинаково несколькими авторами: некоторыми из них с пристрастием или неприязнью, некоторыми – обстоятельно, при помощи только тех сведений, которые историк знал, не зная же, хотел казаться знающим или не желал выглядеть несведущим; частью – необдуманно, так как историк с легкостью доверяет любого рода сообщениям. Имея отношение к данному событию, историк вряд ли может осмыслить его целиком. Разве для достижения такого рода истины ему не требуется тщательность и тонкое чутье – не меньшее, чем юристу для раскрытия преступления и вынесения приговора или медику для определения болезни и ее лечения? Затем, когда ты будешь опираться не на чужое, а на собственное суждение, когда будешь открыто заявлять свою точку зрения, сколько старания и усердия придется приложить, чтобы доказать... что ты не оказываешь благосклонность той партии, в которой состоишь» [2, с. 260].

Если личность историка оказывается безнравственной, то и все написанное им в лучшем случае, будет оцениваться как предвзятое и недостоверное, а в худшем – как фальсификация. Поэтому историк должен стоять на принципах объективности и критичности, и не показывать своих частных пристрастий. «В любом случае, когда пишешь о своей или непосредственно ей предшествовавшей эпохе – о современниках или их родителях и родственниках – ты не имеешь права руководствоваться чувством неприязни, зависти и страха, с другой стороны, не можешь позволить себе выражать благосклонность, давать волю честолюбию, прислушиваться к чьим либо пожеланиям, искать чьего либо расположения, подчиняться чьему – либо приказанию» [2, с. 260].

Согласно Л. Валла, главное достоинство исторического повествования заключается в его убедительности, а поэтому все используемые факты должны быть достоверными. [2, с. 256] Особое внимание он уделял личности самого историка, т.к. позиция автора весьма важна в понимании созданного им повествования. Он должен быть беспристрастным, осведомленным и критическим в разборе исторических событий. Историк должен обладать такими врожденными способностями, как острый ум и рассудительность (*solertia, acumen, iudicium*), а также приобретенными качествами – тщательность, мастерство, усердие, убежденность и постоянство. «Так называемые профессиональные качества историка тесным образом связаны с его нравственной позицией. История как нравственная дисциплина предъявляет к историку такие высокие моральные требования, что он, не имея права кривить душой, сам может стать образцом для подражания» [2, с. 256, 259]. Сказанное Л. Валла как нельзя лучше иллюстрирует рассматриваемую нами тему, ведь любая фальсификация есть переход

через Рубикон нравственного, в опасный и сомнительный мир иллюзий и спекулятивных суждений.

Фальсификация – это максимально замаскированная агрессия лжи против истины. И на фальсификацию распространяется общее правило агрессии – *тот, кто пришел совершать акт насилия, должен понимать, что сам может стать жертвой своей намеченной жертвы*. Совершая агрессию против истины (достоверного), фальсификация должна понимать, что и ее жертва может совершить встречный акт. Герменевтическая верификация как раз и есть тот самый акт возмездия, который может положить конец фальсификации. Но конец фальсификации (ее разоблачение) ещё не конец ее существования – после нее (как послевкусие) остается сомнение в достоверности самого акта верификации, ибо проверка сама требует вторичную проверку. Поэтому главная цель исторической герменевтики – сделать разоблачение фальсификации абсолютным фактом, а для этого ей надлежит реконструировать события, которые замещает собой фальсификация.

Но ещё лучше – предупредить фальсификацию. Для этого необходима политическая воля гражданского общества и открытость знаний исторической герменевтики. Если элиты власти будут точно знать, что общество всегда готово к критическому восприятию ее политической лжи и что эта ложь будет им направлена не во благо, а во вред фальсификатора, то субъекты элиты могут остановиться и не пойти на преступление против истины и совести. Остановить элиты от использования лжи – вот главная задача демократии и гражданского общества. Но для этого они должны обладать определенными способностями и знаниями, в частности знать основы исторической герменевтики и правильно верифицировать и дефальсифицировать ложь правящей элиты.

Наши общие выводы могут быть сведены к следующему: а) просто так без причинно фальсификация не возникает, следовательно, её появление указывает на наличие конкретного злого умысла и несправедливой цели; б) фальсификация поддерживающее условия нашего заблуждения не есть тотальное и фатальное состояние нашего разума, а вполне преодолимая, т.е. временный отход от истины.; в) фальсификация должна оцениваться не только в системе координат истина – ложь, но и добра и зла; г) разоблаченная фальсификация означает удвоение истинного знания, поскольку мы получаем адекватную оценку лжи.

С моральной точки зрения ложь должна быть наказана. С гносеологической точки зрения - ни одна фальсификация не должна быть оставлена без разоблачения. Ведь фальсификация противна самой сущности человека - его идеи, которая заключается в том, чтобы пребывать с истиной и в Истине находить смысл своего земного существования. По этому поводу в свое время хорошо сказал Блаженный Августин, что *«никто ведь не захочет изолгаться до того, чтобы самому не знать, в чем истина»* (*Исповедь, X, XLI, 66*). Знать Истину, значит иметь точное представление о смысле своей жизни. И на этом пути человеку необходимо уметь эффективно преодолевать и убирать любые препятствия, главным из которых является фальсификация истории и политики, поскольку отравляет своей ложью наше мировоззрение и оптимистическое отношение к самой жизни...

Список литературы

1. Аппин Г.К. Элитология: история, теория, современность. – М. : МГИМО (У), 2010. – 600 с.
2. Валла, Лоренцо. История деяний Фердинанда, короля Арагона // Средние века. –1997. – Вып.59.
3. Валла, Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. Перевод с латинского В.А. Андрушко, Н.В. Ревакиной, И.Х. Черняка // Памятники философской мысли. – М. : Наука, 1989.
4. Валла, Лоренцо. Рассуждения о подложности так называемой дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. Текст. / Сост., ред. М.А. Гуковский. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 390 с.

5. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 72–91.
6. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. – 1990. – №11. – С. 36.
7. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М. : «Медиум», 1995. – 234 с.
8. Померанец Г. С. История в сослагательном наклонении // Вопросы философии. – 1990. – №11.
9. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995.
10. Сталин И. В. Ответ товарищам / И.В. Сталин // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. – М., 2001.
11. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонгов.– Репринтное воспроизведение книги, опубликованной в Берлине в 1932 г. издательством «Гранит». – М. : Наука, 1990. – 336 с.
12. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. – М. : Науч. изд., 1987. – 218 с.
13. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation / trans. by B. Thompson. – Cambridge, University Press, 1981. – P. 51.
14. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. / trans. by George H. Taylor. – New York, 1985. – P. 186.

References

1. Ashin G.K. Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost: monografiya. – М.: MGIMO (U), 2010. – 600 s.
2. Valla, Lorentso. Istoriya deyaniy Ferdinanda, korolya Aragona // Sredniye veka. – 1997. – Вып. 59.
3. Valla, Lorentso. Ob istinnom i lozhnom blage. O svobode voli. Perevod s la-tinskogo V.A. Andrushko, N.V. Revyakinoy, I.Kh. Chernyaka // Pamyatniki filosofskoy mysli. – М.: Nauka, 1989.
4. Valla, Lorentso. Rassuzhdeniya o podlozhnosti tak nazyvayemoy darstvennoy gra-moty Konstantina // Italiyskiye gumanisty XV veka o tserkvi i religii. Tekst. / Sost., red. M.A. Gukovskiy. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 390 s.
5. Gadamer G.-G. O krugе ponimaniya // Aktualnost prekrasnogo. — М.: Iskusst-vo, 1991. S.72-91.
6. Gurevich A.Ya. Teoriya formatsiy i realnost istorii // Voprosy filosofii. №11. 1990. S.36.
7. Lakatos I. Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm. - М.: «Medium», 1995. -234s.
8. Pomeranets G.S. Istoriya v soslagatel'nom naklonenii // Voprosy filosofii. №11. 1990.
9. Riker P. Germenevtika. Etika. Politika. M., 1995.
10. Stalin I.V. Otvet tovarishcham / I.V. Stalin // Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija. Antologiya. M., 2001.
11. Trotskiy L.D. Stalinskaya shkola falsifikatsiy: Popravki i dopolneniya k lite-rature epigongov.– Reprintnoye vosproizvedeniye knigi, opublikovannoy v Berline v 1932 g. izdatel'stvom «Granit». M.: Nauka, 1990. – 336s.
12. Shleyermakher F. Akademicheskiye rechi 1829 goda. — М.: Nauch. izd., 1987. — 218s.
13. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation. Trans. by B. Thompson. Cambridge, University Press, 1981. R.51.
14. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia / trans. by George H. Taylor. – New York, 1985. – P. 186.